

СЛОВО О ДРУГЕ

Он человек был,
 Человек во всем.
 Такого я уж никогда
 Не встречу...
 В. Шекспир. Гамлет

Вот уже скоро год, как внезапно оборвалась яркая жизнь Михаила Владимировича Савельева, нашего дорогого Миши... Если сказать, что нам его очень не хватает, - это значит почти ничего не сказать. И слова, кажется, не способны выразить адекватно ту тоску, которая поселилась в сердцах его друзей с 20 сентября, когда пришла тяжкая весть о его безвременном уходе из жизни...

Хочется оживить хотя бы в воспоминаниях его образ, мысленно вернуть дни нашей дружбы.

Познакомились мы с Мишей еще в школьную пору, где-то в конце 50-х годов. Хотя мы и учились в разных московских школах, нас сблизил общий интерес к математике и физике. В то время для учеников старших классов было очень характерно и престижно работать в кружках по научным направлениям при ведущих вузах, посещать лектории в Политехническом музее, участвовать в физических и математических олимпиадах. Во время одной из таких "тусовок" (такого слова тогда, правда, не было) мы с моим одноклассником Виктором Савриным (теперь известным физиком-теоретиком) и познакомились с симпатичным блондином, с очень живыми и слегка насмешливыми глазами - Мишей Савельевым.

Это было романтическое время не только в жизни нашего поколения, но и для всей науки в нашей стране. После запуска в 1957 г. первого спутника и сооружения крупнейшего в мире ускорителя - дубненского синхрофазотрона - каждый школьник буквально бредил профессией физика, конструктора, атомщика... Наше поколение и в России и в далекой Америке (мне приходилось это там слышать) называют поколением спутника и синхрофазотрона. Миша уже тогда был очень коммуникабельным и выделялся среди ровесников не только глубокими знаниями, но и острой реакцией на все происходящее.

Его талант ученого проявился очень рано. Помню, что им был завоеван не один приз на олимпиадах для школьников в престижных вузах, что тогда было сделать несложно. Миша пользовался устойчивым авторитетом среди товарищей-студентов. В наши студенческие годы мы учились на "соседних" кафедрах: Миша и Витя - на кафедре электродинамики у М.А. Леонтовича, а я - на кафедре теоретической физики у Н.Н. Боголюбова.

В студенческие годы мы особенно сблизились с Мишей, проводя вместе не только часы учебы, но и досуга, вместе были в студенческих отрядах и военных лагерях. Мишу очень любили за его высокие качества товарищества, доброту и смекалку. Он был единственным сыном своих родителей: Нонны Михайловны и Владимира Ивановича Савельевых, которых любил преданной и трогательной сыновней любовью. Это благодарное чувство он пронес через всю жизнь... Родители часто присылали Мише в военные лагеря что-нибудь вкусненькое, и он всегда делился с друзьями. В

моем семейном альбоме сохранился снимок тридцатитрехлетней давности: Мы с Мишей и нашими товарищами "по спецухе" расправляемся с гостинцами, присланными Мишиными родителями...

После физфака наша дружба сохранилась и окрепла, хотя судьба опять нас развела по "соседним" институтам. Миша и Витя оказались в аспирантуре в ИФВЭ (Протвино), а я стал стажером в ОИЯИ (Дубна). Встречи на конференциях, семинарах и школах, дни рождения, праздники и товарищеские застоля были, конечно, не очень часты, но я всегда ощущал рядом надежное Мишино плечо и в радостях и в печали. Особенно теплой и нужной была его поддержка в тяжелые для нашей семьи дни после трагической гибели моей дочери Ани...

У Миши всегда можно было многому научиться и в науке, и в его гражданственности, и в отношении к семье и друзьям. А друзья у него были и остаются - многие со школьной скамьи - это и журналист Слава Алексеев, и преподаватель мехмата МГУ Володя Поталов, и мы с Виктором Савриным, и другие - всех не перечислить. Мне всегда было очень интересно обсуждать с ним научные новости, слушать его выступления на семинарах, работать с ним (у нас есть несколько совместных работ) и даже просто "потрепаться" за чашкой чая...

Он был очень обаятельным человеком, а главное очень открытым для восприятия мнения другого человека, для всего нового и необычного. Поэтому всегда очень хотелось именно с ним поделиться новостью, обсудить появившуюся необычную идею. При этом меня всегда изумляло его отношение к науке... Это было особое, бережное, не потребительское отношение к науке: как к кормилице, как к плодоносящей земле... Он сам был вскормлен наукой и оставил на ее ниве не одно плодоносящее дерево...

Его часто донимала мысль: надо дерево посадить, надо дом построить... Миша спешил делать добро, хотел оставить после себя результаты своего неутомимого труда. Хотя буквально до последних месяцев в его разговорах не было и тени пессимизма. Мы, друзья, думали, что ему, как его родителям и многим другим предкам, суждена долгая и наполненная событиями жизнь. Видимо, плохо почувствовав себя, в марте 1998 г. Миша внезапно приехал к нам в Дубну, просто на один вечер, как бы без дела. Буквально за месяц до этого он выступал на нашем семинаре в ЛТФ с очень интересным докладом...

После семинара мы пару часов посидели за чашкой чая. Миша очень тепло отзывался о нашем семинаре, обещал привозить своих друзей и единомышленников для выступления на его заседаниях, советовал (как и другие участники) периодически издавать труды семинара... И с большой грустью мы вспомнили нашего безвременно ушедшего друга, молодого талантливого ученого Игоря Луценко... Не могли даже вообразить тогда, что это Мишино пожелание воплотится в жизнь в столь грустном виде...

Да, мартовский его приезд был довольно неожиданным, хотя и, как всегда, приятным. Он всегда приезжал с подарками, знаками внимания моей жене Наташе и нашей маленькой дочке Насте, которая до сих пор его называет "дядя Барсик" (потому что он любил ей рассказывать сказки про кота Барсика). Пало сказать, что в Мише очень много оставалось от ребенка до конца... И верно говорят, что "в человеке столько хорошего, сколько в нем осталось от ребенка."

Беседа наша за дружеским столом была, как всегда, откровенная и, как никогда, грустная. Миша жаловался на неважное самочувствие и говорил о своих плохих

предчувствиях, которые связывал с долгосрочной поездкой в Бразилию. Рассказывал о планах, если получится, позже посетить фамильные места своих предков в Красноярске. В конце вечера он спокойно так сказал, что приехал попрощаться навсегда ... Мороз по коже прошел у меня от Мишиных слов, но как-то хотелось верить, что это всего лишь минутная слабость уставшего человека, а жизнь показала, что это действительно было прощание ...

Мишины слова до сих пор звучат у меня ушах: "Жаль - не умереть, а быть забытым, пройти по этой земле, не оставив следа..." И еще он просил, не забывать его любимых Свет (жену и дочь) и хранить память о его родителях. Он (вместе с учениками Владимира Ивановича Савельева) подготовил материалы о нем и очень хотел донести их до людей. Ниже вы прочитаете эти заметки...

А.Н. Сисакян

Лубна, август-сентябрь, 1999 г.